

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД.

БЫВШИЙ, ТВОЯ ДОЧЬ

ВЫБРАЛА МЕНЯ

18+

Лея Ветрова

Развод. Бывший, твоя дочь выбрала меня

<https://litres.ru/74392388>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Если мама тебе никто, я ухожу с ней.

Одиннадцать лет я растила дочь мужа как родную и вместе с Олегом строила гостиничную сеть. Но на юбилее он выводит к гостям беременную любовницу, вручает мне бумаги на развод и объявляет: Соне я никто.

Без работы и законных прав на девочку, которая называет меня мамой, я принимаю предложение главного конкурента бывшего. Арсений Волков предлагает мне собственный проект и обещает: теперь на моей работе будет стоять моё имя. Он первым видит во мне не удобную жену, а талантливую женщину.

Только у нового босса есть скрытый мотив. Бывший крадёт мои идеи и хочет вернуть меня в прежнюю удобную роль. А дочь отказывается выбирать между отцом и мной.

Теперь мне придётся решить: снова спасти чужую жизнь или впервые построить свою. И что делать с мужчиной, рядом с которым я снова чувствую себя живой, если он тоже начал наши отношения с тайны?

Взрослые герои, сильные эмоции и обязательный ХЭ.

Содержание

ГЛАВА 1. Ты ей никто	5
ГЛАВА 2. Без права на дочь	19
ГЛАВА 3. Предложение врага	32
ГЛАВА 4. Дочь, которая сбежала	45
ГЛАВА 5. Не повторять себя	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лея Ветрова

Развод. Бывший, твоя дочь выбрала меня

ГЛАВА 1. Ты ей никто

К десятой годовщине «Белой линии» мы готовились четыре месяца, а погубить её едва не успеваем за семь минут. Назар распахивает холодильный шкаф и смотрит на меня так, словно обнаружил внутри вместо яблочного мусса аккуратно уложенный труп.

— Яна Олеговна, только не нервничайте.

От этой фразы у меня дёргается глаз. Я отодвигаю Назара плечом и нажимаю пальцем на глянцевый бок десерта. Глазурь остаётся на перчатке — тёплая, жидкая и совершенно не зеркальная.

— Кто менял температуру?

— Никто, — слишком быстро отвечает Назар и, поймав мой взгляд, проводит ладонью по коротко стриженным волосам. — То есть я не видел. Может, электрика. Может, дверь закрыли неплотно. Вера говорит, всё было нормально.

Вера, наш кондитер, становится белее кителя. На кухне

звякают противни, а в зале двести гостей ждут разрекламированный десерт. Здесь у нас оплывшая глазурь и семь минут, одну из которых Назар уже потратил на совет не нервничать.

— Вера, сколько целых?

Она сглатывает, заглядывает в шкаф и начинает считать одними губами.

— Восемьдесят шесть. Может, девяносто...

— Назар, останови официантов. На каждый стол выносим по четыре порции на общих каменных блюдах. Добавим сорбет, яблочные чипсы и горячий соус. Скажешь, что подача семейная — в честь дня рождения дома.

— Семейная, — повторяет он, уже ухмыляясь. — Будто так и задумано.

— Мы создаём версию событий, в которой гостям приятно участвовать. Это другое.

Он уносится к раздаче. Вера всё ещё смотрит на меня так, будто я сейчас потребую её голову рядом с яблочными чипсами, но я прошу добавить в соус лимон, соль и розмарин. Она кивает, руки у неё перестают дрожать, и через минуту кухня снова работает. Я пробую соус и слышу, как в кармане уже третий раз вибрирует телефон.

«Ты где?» — пишет Соня.

Следом приходит фотография: Соня в выбранном нами чёрном платье закатывает глаза. Рядом пустует мой стул. Место Олега тоже свободно.

«Спасая репутацию твоего отца».

«Опять?»

Я улыбаюсь, хотя она не видит. «Скоро буду».

Ответ появляется сразу: «Папа тоже так сказал сорок минут назад».

Я убираю телефон. Последний раз я видела Олега около семи: он прошёл через кухню, поцеловал меня в висок и попросил не опаздывать к речи. От него пахло холодом, табаком, хотя он бросил пять лет назад, и чужими сладкими духами. Я решила, что аромат прилип в гардеробе. За одиннадцать лет люди учатся находить безобидные объяснения раньше, чем задают правильный вопрос.

— Яна Олеговна, вас Олег Викторович зовёт, — сообщает администратор Катя. Обычно она летает, но сейчас мнётся у двери и теребит бейдж. — Сказал, срочно. В малую гостиную.

— Передай, что я подойду после десерта.

Катя опускает глаза. На её щеках проступают красные пятна, и это наконец заставляет меня посмотреть на неё внимательнее.

— Он просил прямо сейчас.

Ведущий объявляет юбилейную подачу, официанты поднимают каменные блюда. Я снимаю китель, оставаясь в тёмно-зелёном платье, и мою руки дольше, чем нужно. В зеркале у меня лицо женщины, приехавшей в собственный праздник через служебный вход: стёртая помада, выбившаяся прядь,

алое пятно на запястье. Ничего, что нельзя исправить за две минуты. Я всегда умела приводить в порядок то, что начало разваливаться.

— Если соус гостям не понравится, увольняйте Назара, — говорит он мне вслед. — У него как раз ипотека, будет драматичнее.

— Сначала выясню, кто трогал холодильник.

— Вот поэтому я вас и боюсь.

Несколько человек смеются. В коридоре пахнет лилиями. Десять лет назад мы купили это здание с протекающей крышей, теперь по паркету скользят официанты, а на салфетках вышита серебряная линия. Моя линия, придуманная ночью на обороте сметы, пока Олег спал у меня на коленях.

Сегодня он зовёт меня не в зал, а в комнату, где мы обычно прячем запасные скатерти и особо важных гостей.

Дверь малой гостиной закрыта не до конца. Я уже протягиваю руку к латунной ручке, когда слышу голос Олега:

— Она не устроит сцену. Яна вообще не такой человек.

Фраза произнесена спокойно, почти с нежностью. Так говорят о надёжном сотруднике, который не подведёт в сезон отпусков.

— Ты в этом уверен? — спрашивает женщина.

Голос я узнаю. Алиса Карева второй год руководит нашей

рекламой и называет мужа Олегом Викторовичем даже после третьего бокала. Сегодня она весь вечер держала перед собой планшет и не снимала свободный чёрный жакет.

Я толкаю дверь.

Олег стоит у окна в смокинге, который я забирала из ателье. Алиса поднимается с дивана, жакет распахивается, и я наконец вижу то, что, наверное, видели все, кроме меня. Живот уже нельзя принять за неудачный крой. Месяцев семь, думаю я совершенно по-деловому. Может, шесть с половиной.

— Закрой дверь, пожалуйста, — говорит Олег.

Я не двигаюсь. В коридоре звякает стекло, кто-то извиняется — обычные звуки работающего отеля. Алиса кладёт ладонь на живот, словно ребёнок способен защитить её от моего взгляда.

— Яна, дверь.

— Ей холодно?

Олег морщится, не понимая.

— Кому?

— Алисе. Она всё время носит жакет. Даже летом на террасе была в пиджаке. Я думала, у нас кондиционеры слишком сильные.

Алиса отводит глаза. Олег закрывает дверь сам, его пальцы оказываются рядом с моими, и я отступаю. Не от отвращения — до него я ещё не добралась. Внутри пока только пустота, как в банкетном зале до прихода гостей.

— Я собирался поговорить после юбилея, — начинает он, поправляя манжету. — Но ситуация изменилась. Фотографии уже попали журналистам, и дальше скрывать бессмысленно. Нам нужно самим задать тон, пока это не сделали за нас.

— Какой тон?

— Достойный. Без грязи и взаимных обвинений.

Он кивает на белую папку между вазой и чашкой кофе. На обложке напечатано моё полное имя: Лебедева Яна Андреевна. Не Соколова. Я открываю соглашение о расторжении брака, но буквы внезапно становятся слишком мелкими, а свет в комнате — слишком ярким.

— Ты подготовил соглашение заранее.

— Такие документы за вечер не делаются, — отвечает Олег и, видимо, слышит, насколько это звучит, потому что смягчает голос: — Я хотел всё организовать так, чтобы ты ни о чём не беспокоилась.

Я перелистываю страницы. Квартира, выплата, машина. Щедро, если забыть, сколько лет я работала без нормального контракта, потому что в семье считать вклад каждого казалось мелочным. Отдельное приложение оставляет меня бренд-шефом на полгода, запрещает работать с конкурентами и разглашать обстоятельства развода.

— А если я не соглашусь?

— С чем именно? — Олег кладёт ладони в карманы брюк. Этот жест я знаю: так он разговаривает с поставщиками, ко-

которые решили поднять цену перед сезоном. — Условия хорошие. Ты сохраняешь работу, привычный уровень жизни и можешь спокойно решить, чем заниматься дальше. Я не собираюсь оставлять тебя без средств.

— Спасибо. А то я испугалась, что после одиннадцати лет рядом с тобой придётся осваивать профессию.

— Не надо язвить. Я понимаю, тебе больно.

Алиса ставит стакан и поднимается, придерживая спину. Мне хочется спросить, как давно она носит ребёнка моего мужа по нашим коридорам и согласовывает со мной семейные фотосессии. Вместо этого я замечаю отёкшие щиколотки.

— Вам лучше сесть. И снимите каблуки.

— Яна, прекрати, — устало произносит Олег.

— Заботиться о твоих гостях? Ты поэтому оставляешь меня в штате — я хорошо замечаю, кому неудобно?

Алиса садится, снимает туфли. На секунду в её лице появляется не торжество и не стыд, а обыкновенный страх.

— Мы не хотели, чтобы вы узнали так.

— «Мы» довольно давно что-то хотим вместе, судя по сроку.

— Я не стану перед вами оправдываться.

— Значит, мы обе сэкономим время.

Олег резко вынимает руки из карманов.

— Хватит. Через три минуты я должен выйти к гостям. Мы объявим, что расстаёмся по взаимному решению, ты

остаёшься частью компании, а Алиса...

Он запинается впервые за весь разговор. Алиса поднимает на него глаза, и Олег заканчивает уже твёрже:

— Алиса станет моей женой после развода.

Вот теперь боль приходит — горячей водой, которую медленно наливают под рёбра. Я закрываю папку, чтобы он не видел дрожащих пальцев, и смотрю на мужчину, с которым вчера обсуждала зимние каникулы Сони. На прошлой неделе он жаловался, что я поздно ложусь и ему холодно одному. Оказывается, можно планировать свадьбу с любовницей и сердиться, что жена не греет постель, если уверен: обе женщины останутся там, куда их поставили.

— Ты скажешь гостям сегодня?

— Информация всё равно выйдет. Лучше сделать это цивилизованно.

— На празднике, который организовала я.

— Это праздник отеля, не наш семейный вечер. Не смешивай личное и работу.

Я невольно смеюсь. Неприятный звук возвращает мне зрение: я снова различаю гладкий узел его галстука и опавшую тычинку лилии на скатерти.

— Конечно. Как я могла перепутать? Жена у тебя личная. Любовница — рабочая. Или теперь наоборот?

Ведущий приглашает основателя «Белой линии» на сцену. По залу проходит волна аплодисментов. Олег смотрит на часы и берёт Алису за локоть.

— Приведи себя в порядок и выходи через пять минут. Я сначала скажу о результатах, потом о нас. Улыбаться не обязательно, но, пожалуйста, не унижай Соню публичным скандалом.

Он знает, куда бить. Я помню, как маленькая Соня просыпалась после кошмаров и звала маму, а потом пугалась собственного слова, будто предала Марину. Помню её горячий лоб, школьную форму, первую кровь на простыне и отчаянное: «Только папе не говори». Олегу достаточно произнести имя дочери, чтобы я снова стала разумной.

Он ошибается лишь в одном: сегодня эта разумность больше не работает на него.

— Я не останусь в компании, — говорю я. Голос звучит хрипло, но не ломается. — И ничего не подпишу, пока документы не посмотрит мой юрист.

Олег замирает, всё ещё поддерживая Алису под локоть.

— Какой ещё юрист?

— Тот, которого найму. Представь, я умею не только выбирать скатерти.

— Сейчас ты не в состоянии принимать решения. Возьми несколько дней, успокойся, а потом поговорим.

— Ты уже всё решил за нас обоих. Не вижу причины откладывать мою очередь.

Аплодисменты в зале стихают. Ведущий повторяет имя Олега с лёгким недоумением, и муж меняется в лице. Не сильно — чужой человек не заметил бы. Я замечаю, как под

кожей возле виска начинает биться жилка.

— Мы закончим разговор дома, — говорит он, открывая дверь. — И, Яна, не заставляй меня потом исправлять то, что ты сейчас натворишь.

Я остаюсь одна. Олег не забирает папку: уверен, что я понесу её за ним. Ставлю брошенные у дивана туфли Алисы ровной парой и беру документы. Даже в день собственного развода я всё ещё поправляю чужой беспорядок.

Когда я вхожу в зал, Олег уже на сцене под золотой цифрой «10» и рассказывает, как рискнул поверить в старое здание и новую мечту. На экране сменяются фасад, первый номер, открытие ресторана, второй отель, третий. На половине снимков есть я, но меня легко не заметить: рука над чертежами, спина у плиты, лицо между сотрудниками.

Соня первой видит меня у стены. Она вскакивает из-за стола, однако я качаю головой, и дочь остаётся на месте. Пока ещё дочь. Слово режет так, что мне приходится стиснуть папку обеими руками.

— «Белая линия» никогда не была для меня просто бизнесом, — говорит Олег. — Это семья. Люди, которые все эти годы оставались рядом, верили, спорили, создавали. Сегодня я хочу особенно поблагодарить Яну.

Гости поворачиваются ко мне. Кто-то начинает хлопать,

и аплодисменты подхватывают остальные. Олег протягивает руку, приглашая на сцену. Ему хватает наглости улыбнуться так, как он улыбался на нашей свадьбе.

Я поднимаюсь ради людей с кухни и ради Сони, которая смотрит испуганными глазами. Олег целует меня в щёку сухими прохладными губами.

— Умница, — шепчет он, пока зал снова хлопает.

Потом берёт меня за руку и говорит о трудном личном решении, уважении и общей заботе о дочери. Яна Лебедева — он подчёркивает девичью фамилию — останется бренд-шефом и членом большой семьи «Белой линии».

Каждая фраза звучит гладко. Он уже приготовил для меня новую жизнь, упаковал её, перевязал лентой и теперь вручает при свидетелях, чтобы отказаться было невежливо.

— Это неправда, — произношу я.

Олег продолжает улыбаться. Только пальцы сильнее сжимают мою ладонь.

— Яна очень волнуется, — говорит он в микрофон.

— Я сказала, это неправда.

В зале становится тихо. Даже официанты возле стены перестают двигаться. Я освобождаю руку, забираю у Олега микрофон и чувствую на себе сотни взглядов. В первом ряду Алиса сидит боком, прикрывая живот ладонью. Теперь скрывать уже нечего.

— Решение о разводе не было общим, — говорю я, и собственный голос через колонки кажется чужим. — О том, что

у мужа другая женщина и скоро родится ребёнок, я узнала несколько минут назад. Здесь. Я также не соглашалась оставаться в компании. Простите, что наш семейный разговор стал частью вашего вечера. Это придумала не я.

Я кладу микрофон, и Олег едва успевает его поймать. Гости хватаются за бокалы, шепчутся, кто-то снимает на телефон. Через час запись будет во всех городских каналах, и Олег это понимает.

Соня пробирается ко мне между столами.

— Мам, что происходит? Какой ребёнок?

Я обнимаю её за плечи. Она высокая, почти с меня, но сейчас прижимается так, словно ей снова шесть и за окном гроза.

— Не здесь, Сонь.

— А где? Дома? С ним? — Она смотрит на Алису и бледнеет, наконец замечая живот. — Это... папин?

Олег оказывается рядом раньше, чем я успеваю ответить. Он берёт дочь за локоть, не грубо, но Соня сразу выдёргивает руку.

— Пойдёмте обе. Немедленно.

Он ведёт нас к боковому выходу мимо охранника и гостей, притворяющихся, что рассматривают фотографии. Дверь в зал закрывается. Олег поворачивается ко мне уже без улыбки.

— Ты довольна?

— Папа, ты с ума сошёл? — Соня пытается шагнуть к

нему, но я удерживаю её за плечо. — Ты изменял маме? Она беременна от тебя?

— Мы обсудим это дома. Яна сейчас возьмёт машину и уедет, а ты вернёшься за стол.

— Я поеду с мамой.

— Нет.

Олег отвечает мгновенно, будто ждал именно этих слов. Он смотрит не на дочь — на меня.

— Забирай документы, вещи соберём завтра. Можешь пожить в городской квартире, пока не решим остальное. Но Соня останется со мной.

— Я не останусь! — Соня повышает голос, и двое гостей возле фотографий наконец перестают притворяться глухими. — Я вообще не хочу тебя видеть.

— Ты несовершеннолетняя и будешь жить дома. А ты, — он переводит взгляд на меня, — не смей втягивать ребёнка в наши отношения.

— Я ничего ей не говорила.

— Ты только что рассказала всё залу.

— Потому что ты вышел на сцену и соврал.

— Я попытался сохранить тебе лицо! — Его голос впервые срывается, но Олег тут же понижает его и делает шаг ближе. От него пахнет тем самым табаком, который я почувствовала вечером. Теперь я понимаю, что это не табак. Так пахнет парфюм Алисы — горькая ваниль и дым. — Не заставляй меня принимать меры, Яна. У тебя нет никаких прав

на Соню. Никаких. Ты ей никто.

Он понимает, что сказал, ещё до того, как под моей ладонью каменеет плечо Сони. Одиннадцать лет — болезни, секреты, ссоры, объятия, первая ночь, когда она назвала меня мамой и не поправилась. Олег перечёркивает их четырьмя словами, потому что уверен: закон позволит.

Соня медленно снимает мою руку со своего плеча, но не отпускает. Переплетает наши пальцы и встаёт рядом, так близко, что я чувствую её дрожь.

— Если мама тебе никто, папа, тогда я тоже никто, — проносит она непривычно тихо. Подбородок у неё подрагивает, тушь темнеет под глазами, однако она не отворачивается. — Я ухожу с ней.

Мы делаем один шаг. Олег преграждает дорогу и смотрит на меня холодно, деловито, как на человека, нарушившего договор. Охранник выпрямляется, швейцар закрывает входную дверь, за которой всё ещё звучит музыка. Соня до боли сжимает мои пальцы, а Олег достаёт телефон и ровно говорит, что вызовет полицию, если я попытаюсь увести его дочь.

ГЛАВА 2. Без права на дочь

Олег держит телефон так, будто уже набрал номер и ждёт только моего неверного движения. За стеклянными дверями гремит музыка, в холле пахнет мокрыми пальто и его новой жизнью — горькой ванилью, которую я теперь буду узнавать везде. Соня вцепилась в мою ладонь, а охранник у входа смотрит поверх наших голов, мечтая не оказаться между хозяином отеля, его дочерью и женщиной, которую ещё полчасика назад представляли гостям как часть семейной истории.

— Вызывай, — говорит Соня. Голос у неё хрипит, но она упрямо задирает подбородок. — Я сама им скажу, что не хочу с тобой жить.

— Тебе шестнадцать, а не двадцать шесть. Ты сейчас на эмоциях и не понимаешь, что делаешь, — Олег не смотрит на неё. Он говорит мне, хотя каждое слово предназначено дочери. — Отпусти её, Яна.

Я не отпускаю. Не потому, что собираюсь тащить Соню через охрану, посадить в первую машину и прятать от отца. Просто пальцы не разжимаются. Если я сделаю это сама, тело поймёт раньше головы: всё, ребёнка у меня забрали. Олег замечает мою заминку и большим пальцем касается экрана.

— Дай мне минуту, — прошу я и достаю телефон из сумочки. — Одну минуту, потом решишь, кем меня оформить: преступницей или бывшей женой.

Лада отвечает после второго гудка сонным «если горит — говори». Я включаю громкую связь и успеваю назвать только отель, прежде чем Олег вмешивается:

— Яна пытается увезти Соню без моего согласия. Я предупредил, что обращаюсь в полицию.

На другом конце становится тихо. Потом шуршит ткань, щёлкает выключатель, и голос Лады делается тем самым, которым она однажды заставила владельца ресторана вернуть повару зарплату за три месяца и ещё извиниться письменно.

— Добрый вечер, Олег. Подтверди, пожалуйста: Соня сейчас рядом, с ней всё в порядке, Яна не применяет силу, не угрожает и не скрывает, куда собирается?

— Не устраивай допрос.

— Тогда не изображай похищение. Вызвать полицию ты можешь. Но подумай, нравится ли тебе формулировка «отец препятствует общению дочери с человеком, который воспитывал её одиннадцать лет». Особенно на фоне свидетелей и записи с камер.

Олег медленно убирает палец с экрана, однако телефон не опускает.

— Я не препятствую общению. Я не позволяю чужому человеку увести несовершеннолетнюю ночью.

Слово «чужому» попадает точнее, чем прежнее «никто». Соня дёргается ко мне, но я обнимаю её за плечи и прижимаю так крепко, чтобы она не успела ответить. В микрофоне Лада уже говорит моё имя — дважды, жёстко, возвращая

меня туда, где нужно думать.

— Яна, послушай меня. Ты уезжаешь одна. Сейчас. Желание Сони будут учитывать, если дело дойдёт до официального спора, но оно не превращает тебя в законного представителя. Не давай ему ни заявления, ни красивой записи, где ты тащишь ребёнка мимо охраны. Я приеду к тебе через двадцать минут.

— Нет, — Соня вырывает руку и наклоняется к телефону. — Лада, вы не понимаете. Он приведёт её домой. Эту свою Алису. Она уже живот выставила перед мамой, будто это медаль.

Олег наконец смотрит на дочь. Лицо у него меняется едва заметно: в нём мелькает не раскаяние, а досада человека, чью тщательно закрытую дверь распахнули перед гостями.

— Алиса сегодня останется в отеле, — произносит он. — А мы с тобой поедem домой и спокойно поговорим.

— У нас с тобой больше нет «мы».

— Соня, — я поворачиваю её к себе. Тушь под глазами размазалась, на щеке прилипла тонкая прядь. Я убираю её, как делала сотни раз: после температуры, слёз из-за первой двойки, школьного спектакля, на котором она забыла текст и потом клялась, что никогда больше не выйдет на сцену. — Ты останешься сегодня с папой.

Она смотрит на меня так, будто ударила именно я.

— Значит, всё? Он сказал про полицию, и ты тоже меня бросаешь?

— Нет. Я ухожу отсюда, потому что хочу иметь возможность завтра прийти к тебе, а не объяснять в отделении, почему увезла тебя против воли отца. Не убегай, не лезь через окно, не делай ничего, что он сможет использовать против нас. Напиши мне, когда окажешься дома.

— Он заберёт телефон.

— Тогда напиши с планшета. С компьютера. С холодильника, если наш умный холодильник наконец научился делать что-то полезное. — Шутка выходит жалкой, но у Сони дрожит уголок рта. Я целую её в висок и шепчу уже без попытки улыбнуться: — Я не отказалась от тебя. Слышишь? Что бы он ни сказал сегодня, я не отказалась.

Олег берёт дочь за локоть. Не грубо — он понимает, куда смотрят камеры, — однако Соня выдёргивает руку и идёт к лестнице сама. На третьей ступеньке она оборачивается, и я вижу в её лице Марину с фотографии у кровати: тот же прямой взгляд, будто отступить можно только спиной вперёд.

— Мама, я тебе верю, — говорит она и уходит наверх, прежде чем голос успеваешь сломаться.

Олег ждёт, пока стук её каблучков стихнет. Потом убирает телефон во внутренний карман пиджака и тихо, почти устало произносит:

— Ты могла не доводить до этого.

— Я? — Внутри поднимается смех, злой и совершенно неуместный. — Конечно. Надо было выбрать правильный день, чтобы ты завёл беременную любовницу. Не в нашу го-

довщину, например.

— Не устраивай сцену снова. Завтра приедешь за вещами, я предупрежу охрану в доме. Сегодня можешь поехать в квартиру на Петроградской.

— В ту, которую ты великодушно положил в папку рядом с соглашением о моём молчании?

Он сжимает губы. Я прохожу мимо, прикладывая служебную карту к двери в административный коридор и слышу короткий отказ — два сухих сигнала. Пробую ещё раз, хотя уже всё понимаю. Красный огонёк вспыхивает между нами, и охранник поспешно отводит взгляд.

— Быстро, — говорю я. — Ты отключил мне доступ ещё до того, как вышел на сцену?

— Это стандартная мера после конфликта с руководством.

— С руководством, — повторяю, снимая карту с ленты. На пластике наша первая «Белая линия»: старый особняк до ремонта, леса на фасаде, окна без рам. Эту фотографию выбрала я, чтобы помнить, из какого разгрома мы построили отель. Кладу карту на стойку охраны. — Передай руководству, что оно может подавиться своим стандартом.

Лада подъезжает в длинном пальто поверх домашних брюк и белых кроссовок. Волосы собраны кое-как, зато в

ушах серьги: она надевает их даже выносить мусор — вдруг встретится бывший муж. Я сажусь рядом, кладу на колени сумочку с телефоном, помадой и зарядкой и только тогда понимаю: это всё, что у меня есть на ночь.

— Соня осталась? — спрашивает Лада, не трогаясь с места.

— Да.

— Ты уверена, что не спрятала её в багажнике?

— Не шути.

— Я не шучу. Я проверяю, насколько сильно ты хочешь испортить мне воскресенье. — Она поворачивается и внимательно осматривает меня. — Документы у тебя какие?

— Паспорт дома. В сумке права.

— Карты?

— Есть моя личная и общая.

Лада заводит машину и выруливает со двора. В зеркале плывут светлые окна, гирлянды, золотая надпись над входом. Официанты уже убрали разбитый бокал, ведущий переключил музыку, Алиса вернулась за стол. У хорошего отеля нет права замечать, что хозяева только что разнесли семью посреди холла.

— Куда едем? — спрашивает Лада.

— Не на Петроградскую.

— Разумно. Само проживание ещё не означает, что ты приняла условия, но Олег непременно попробует назвать это именно так. Ко мне?

Я представляю её диван, чашку с надписью «Возражаю», Ладиного кота, который спит только на чужих волосах, и почти соглашаюсь. Потом открываю приложение с посуточной арендой.

— Нет. Мне нужно место, где никто не будет ходить вокруг на цыпочках.

— Я не хожу на цыпочках. У меня плоскостопие.

Студия находится на пятом этаже старого дома у Фонтанки. На фотографии у кровати стоит пластиковая пальма, а в ванной обещают горячую воду. Я бронирую две ночи, по привычке выбираю общую карту и получаю отказ. Повторяю. Тот же серый прямоугольник: «Операция отклонена банком».

— Он заблокировал карту, — говорю я.

Лада не отвечает сразу. Перестраивается, пропускает автобус и только потом спрашивает:

— Личная работает?

Я ввожу данные своей. Платёж проходит, на почту падает код от сейфа с ключами.

— Работает. Там немного, но на пару месяцев хватит.

— Хорошо. Утром сделаем выписки по всем счетам, запросим сведения об имуществе и выясним, что он успел подготовить. Сегодня ничего не подписываешь, ничего не удаляешь и не звонишь Алисе.

— Я не собиралась ей звонить.

— Все так говорят до трёх часов ночи.

У круглосуточной аптеки я покупаю зубную щётку, раствор для линз и дешёвую футболку «Петербург внутри». Платье царапает рёбра пайетками, продавщица узнаёт меня — смотрит на лицо, потом на экран телефона, — но ничего не спрашивает. Сегодня молчание незнакомого человека добрее сочувствия.

В студии действительно есть пыльная пальма, наклонившаяся над кроватью, будто готовая выслушать исповедь. Лада ставит на стол ноутбук, я снимаю туфли и обнаруживаю кровь на пятке. Боли не чувствую, только раздражение: Олег испортил даже обувь, которую не покупал.

— Присылай соглашение, — требует Лада.

Я открываю рабочую почту. Пароль не подходит, а система восстановления сообщает, что учётная запись отключена администратором. Следом выбрасывают корпоративный мессенджер и облако с рецептами. Одно за другим гаснут окна, в которых лежали одиннадцать лет моей работы: технологические карты, сметы, фотографии кухонь, переписка с поставщиками.

— Даже рецепты, — говорю я и чувствую, как к горлу подступает настоящая паника. Не из-за денег, не из-за платья и даже не из-за дома. — Там все мои разработки.

— Твои или компании?

— Я их придумала.

— Я спрашиваю не по-человечески, а по-договорному.

— Тогда компании.

Лада ругается и берёт мой телефон. Соглашение осталось в личной почте: Олег отправил его ещё днём, пока я бежала между кухней и залом. Время — 16:42. Алиса тогда уже ждала в малой гостиной, когда меня позовут познакомиться с её животом.

— Он готовился, — произношу я.

— Конечно. Такие мужчины импровизируют только в чужой постели, а имущество делят по расписанию.

Лада читает молча, иногда увеличивает текст двумя пальцами и делает снимки экрана. Я переодеваюсь в футболку поверх колготок, наливаю воду в единственный стакан и пытаюсь не следить за её лицом. На пятой странице она фыркает. На седьмой перестаёт качать ногой.

— Квартира на Петроградской, машина и двенадцать миллионов, — перечисляет она. — В обмен ты отказываешься от любых имущественных претензий, полтора года работаешь бренд-шефом, два года не имеешь права сотрудничать с конкурентами, не обсуждаешь причины развода и не используешь материалы компании. Щедрость прямо хлещет через край.

— Я думала, полгода.

— Полгода ты обязана лично сопровождать объекты. Остальное спрятали в приложении. А это особенно мило. — Лада показывает пункт: «Сторона обязуется воздерживаться от несогласованных контактов с несовершеннолетним членом семьи Соколова О. В., включая личные встречи, теле-

фонные переговоры и электронную переписку». — Юридически конструкция хромает на обе ноги: соглашением супругов нельзя отменить волю шестнадцатилетнего человека. Но смысл ясен. Он покупает твоё исчезновение.

Телефон вибрирует прямо у неё в руке. Сообщение от Олега: «Соня дома. Успокойся. Утром жду подписанный скан, тогда не стану препятствовать вашим разумным встречам. Если продолжишь войну — контактов не будет. Решай».

Лада читает и медленно улыбается. Так улыбаются не от радости, а когда противник сам кладёт на стол нужную карту.

— Спасибо, Олег Валерьевич.

— За что?

— За письменную угрозу. Делай снимок, пересылай мне и сохраняй переписку. Ответ — один: документы переданы представителю, всё общение через меня.

Я печатаю эту фразу, но не отправляю. Перед глазами стоит Соня на лестнице — чёрное платье, размазанная тушь, прямая спина. Разумные встречи. Будто одиннадцать лет можно выдавать по средам с семи до девяти за хорошее поведение.

— Нет, — говорю я и стираю текст.

— Яна, не пиши роман. Судьи не любят длинную прозу в мессенджерах.

— Я и не буду.

Отправляю: «Я не подпишу. Соня не часть сделки. Дальше говори с Ладой».

Ответа нет. Сначала исчезает фотография Олега, затем сообщение остаётся с одной галочкой. Он блокирует меня так буднично, словно закрывает ещё один служебный доступ.

После двух ночи Лада уезжает за папкой с нашими документами, взяв обещание никому не звонить. Я запираю дверь, смываю косметику гостиничным мылом и ложусь поверх покрывала. За стеной мужчина уговаривает кого-то не бросать трубку, во дворе скребёт лопатой дворник, а мой телефон молчит так старательно, будто тоже подписал соглашение.

В 2:37 приходит сообщение с незнакомого адреса. «Это я. Папа забрал телефон. Я с планшета». Следом: «Не приезжай, он ждёт, что ты приедешь. И не думай, что я передумала».

Я сажусь, подтягиваю колени к груди и набираю медленно, чтобы не вложить в ответ собственный страх: «Не убегай. Не спорь с ним ночью. Закройся, поспи, утром напиши Ладе. Я рядом, даже если меня нет в доме».

Три точки появляются и пропадают несколько раз. Наконец Соня присылает: «Ты моя мама. Это не он решает». Я прижимаю телефон к губам, потому что отвечать сразу нельзя — вместо слов получится звук, которого я сама испугаюсь. Через минуту отправляю ей сердечко, первое за всю ночь, и вижу, как сообщение остаётся непрочитанным. Наверное,

Олег добрался и до планшета.

Звонок раздаётся почти сразу. Номер не записан, код петербургский. Я решаю, что это охрана дома или кто-то из журналистов, уже получивших видео из зала, и отвечаю только потому, что неизвестность сегодня всё равно не даст уснуть.

— Яна Андреевна? — Мужской голос низкий, спокойный, без ночной виноватости. — Арсений Волков.

Имя я узнаю раньше, чем успеваю вспомнить лицо. Владелец «Северного дома», человек, которого Олег называет конкурентом только в приличном обществе. Два года назад Арсений предлагал нам совместный проект в Карелии, а после отказа прислал мне корзину морошки и записку: «Когда надоест строить чужое, позвоните».

— Если вы хотите поздравить Олега с удачным вечером, выбрали не тот номер.

— Я звоню не Олегу. И не поздравлять.

Он говорит без сочувственных пауз, за что я почти благодарна. Жалость сейчас заставила бы меня повесить трубку.

— Тогда откуда у вас мой личный номер?

— Он остался у меня после Карелии. Я видел запись из отеля и решил, что ждать до утра будет трусостью.

— А звонить женщине через час после того, как муж выгнал её из семьи, — деловая смелость?

— Нет. Деловой расчёт, — отвечает он. — Мне не интересны ваш развод и то, кто сегодня ночует в доме Соколова.

Но я знаю, кто на самом деле построил «Белую линию». Не зарегистрировал компанию, а придумал, чем она пахнет, что подают гостю ночью и почему персонал остаётся на смене во время катастрофы.

Я смотрю на пластиковую пальму, дешёвую футболку, туфли с засохшей кровью. За несколько часов Олег превратил меня из хозяйки гостиничной империи в женщину без зубной щётки, а незнакомый мужчина говорит о моей работе так, словно видел меня, а не фамилию на вывеске. Возможно, это ловушка или месть конкурента, но Арсений не даёт придумать вежливый отказ. Он называет адрес старого дома у Таврического сада и ровно, без нажима произносит: «Постройте мой отель».

ГЛАВА 3. Предложение врага

Ладины сапоги велики мне на размер и хлюпают при каждом шаге, зато мои туфли остались в студии рядом с пластиковой пальмой и хотя бы не утонут в строительной жиже. Адрес у Таврического сада, который Арсений продиктовал ночью, оказался адресом его офиса; в семь утра он прислал координаты объекта и короткое «лучше не в городской обуви». Таксист высаживает меня у временного забора, отказывается ехать к главному корпусу и долго разворачивается на узкой дороге, выбрасывая из-под колёс мокрый песок. За соснами сереет озеро. Сам «Северный дом» пока меньше всего похож на отель: старое каменное здание укрыто сеткой, к новому крылу прислонены листы утеплителя, из распахнутых окон тянутся кабели. Где-то внутри работает перфоратор, и от этого звука после бессонной ночи у меня начинают ныть зубы.

Арсений ждёт у бокового входа в тёмном пальто и строительной каске, которую держит под мышкой. На фотографии двухлетней давности он был крупнее и мягче, а может, там просто не дуло с озера и ему не приходилось щуриться. Сейчас Волков смотрит на мои сапоги, потом на сумку с распечатанным договором, исполосованным Ладинами замечаниями.

— Добрались, — говорит он вместо приветствия.

— С вашей дорогой это звучит как поздравление.

— Дорогу закончат через три недели.

— Если подрядчик обещал три, записывайте шесть.

Он не улыбается, но каску всё-таки протягивает мне. Внутри на белой наклейке чёрным маркером написано «Гость». Я надеваю её поверх кое-как собранных волос и иду следом. Арсений не предлагает взять меня под локоть на скользких досках, не придерживает за талию и вообще не делает ничего из того, чем богатые мужчины обычно подчёркивают свою воспитанность перед женщиной в неудобной обуви. Просто замедляет шаг там, где проход становится узким. Это почему-то раздражает меньше, чем забота.

— Вы хотите открыться к декабрю? — спрашиваю я, когда мы входим в будущий ресторан.

— К пятнадцатому.

Я осматриваю потолок с выведенными проводами, нераспакованные оконные рамы и бетонный пол. В дальнем конце двое рабочих спорят, кому принадлежит удлинитель. На стене мелом нарисована ёлка и подписано: «Успеем».

— К какому году?

— К этому. Поэтому вы здесь.

Окна выходят на воду. Даже в серый день озеро видно от стены до стены, и кто-то уже выбрал для зала правильное дерево — не вылизанный орех, а светлый дуб с сучками. Но ресторан спроектирован так, будто еда возникает у официанта в руках сама. До кухни почти сорок метров, два пово-

рота и порог, о который я цепляюсь большим сапогом.

— Кто согласовал маршрут подачи?

— Шеф, которого больше нет, — отвечает Арсений. — Он считал, что тележки решат проблему.

— Тележки не умеют держать рыбу горячей, а салат холодным. И не проходят здесь вдвоём. — Навстречу нам как раз выезжает рабочий с мешками, приходится прижиматься к стене. — Через этот коридор пойдут и грязные тарелки?

— По проекту — да.

— Прекрасно. Гость получит ужин с ароматом объедков, а официанты будут бодаться у поворота. Зато вид на озеро.

Арсений отступает, пропуская рабочего, и снимает с ближайшей стены свёрнутый план. Бумага у него в руках дёргается от сквозняка.

— Исправляется?

Я ищу на схеме несущие стены, служебный лифт и вход в заготовочный цех. Вариант есть, неприятный: разобрать уже облицованный простенок, развернуть моечную и пробить вторую дверь в зал. Деньги подрядчик возьмёт дважды — сначала за собственную глупость, потом за её устранение.

— Исправляется. Но прежде я хочу увидеть кухню, вентиляцию и договор с проектировщиком. Если там всё так же, вам дешевле перенести открытие.

— Я не перенесу.

— Тогда будет дороже.

Он складывает план не по старым сгибам, а как получа-

ется, и ведёт меня дальше. На кухне уже стоят вытяжные зонты, ещё в заводской плёнке. Холодильные камеры не собраны, зато плитка уложена до последнего шва. Я открываю дверь одной из подсобок, включаю свет и вижу выведенную воду там, где по чертежу должна быть сухая кладовая.

— У вас течь?

— Нет. Здесь будет овощной цех.

— Он нарисован через стену.

Арсений берёт у меня план, сверяет номер помещения и звонит кому-то. Не просит «разобраться в ближайшее время», а называет секцию, лист и ошибку. Пока он слушает ответ, из-под каски у меня выбивается шпилька и падает в лужицу строительной пыли. Я наклоняюсь за ней, сапог остаётся на месте, нога выскальзывает. Волков успевает поймать меня за предплечье. Хватка крепкая, почти болезненная; он сразу разжимает пальцы.

— Я предупреждал про обувь.

— Это обувь Лады. Моя была ещё хуже.

— У Лады сорок первый?

— Сороковой. Но не говорите ей, что я сказала.

В трубке кто-то продолжает оправдываться. Арсений смотрит на меня секунду дольше, чем требует разговор, затем велит проектировщику приехать к двум часам и кладёт телефон в карман.

— Четыре минуты на объекте, и вы уже нашли то, чего не заметили трое нанятых специалистов.

— Двадцать семь минут. И я ищу не ошибки. Я пытаюсь представить здесь пятничный вечер, когда в зале сто двадцать человек, у посудомойки умер мотор, а один официант решил уволиться прямо с подносом. На пустой кухне все проекты выглядят прилично.

— Значит, предложение вы хотя бы слушаете?

— Я для этого проехала шестьдесят километров в чужих сапогах.

Временный кабинет Арсения устроен в бывшей библиотеке. Книг давно нет, на потолке сохранилась лепнина, а между двумя высокими окнами стоит складной стол, заваленный образцами камня и счетами. Кофемашина на подоконнике дорогая, кружки — бумажные. Волков наливает мне чёрный кофе и не кладёт сахар.

— Вы помните? — спрашиваю я.

— В Карелии вы выпили четыре чашки и ни одну не успели допить. Сахара рядом не было.

— Это не ответ.

— Тогда считайте, что угадал.

Он садится напротив и вытаскивает из моей папки свой договор. Лада получила его в семь утра и успела оставить тридцать два комментария, один из них — «вы там совсем обалдели?» — по ошибке не удалила перед отправкой. Ар-

сений доходит до жёлтой пометки на третьей странице и переворачивает лист ко мне.

— Ваша юрист считает, что три месяца — способ получить полгода работы по цене трёх.

— Моя юрист считает, что вы обалдели. Я смягчила формулировку.

— Оплата указана ежемесячно. Если открытие задержится, договор продлевается.

— По моему желанию, а не автоматически. Иначе я буду отвечать за ваших строителей до пенсии.

Он берёт карандаш и пишет на полях: «только по письменному соглашению сторон». Почерк у него мелкий, без наклона. Ни возражения, ни тяжёлого хозяйского вздоха — просто правка, и это сбивает меня сильнее, чем торг.

— Дальше, — говорит Арсений.

— Команда. Здесь написано, что я «участвую в подборе». Участвовать можно, сидя в углу и кивая. Шефа, технолога, закупщика и руководителя зала выбираю я.

— Зарплату им плачу я.

— Тогда можете установить бюджет и проверять кандидатов службой безопасности. Но если финансовый директор возьмёт на кухню племянницу, потому что она закончила двухнедельные курсы в Милане, я уйду.

— У моего финансового директора два сына.

— Это не делает меня спокойнее.

Арсений задумчиво стучит карандашом по столу, пачкая

графитом большой палец. Спрашивает, сколько людей мне нужно до тестового запуска, сколько — после, и почему закупщик не может подчиняться общей службе отеля. Я объясняю на примере клубники, которую пять лет назад нам привезли по хорошей цене и в таком состоянии, что половину ягод можно было наливать через трубочку. Тогда Олег запретил отказываться от поставки: договор согласовали без меня, а гостям уже пообещали сезонное меню. Мы двое суток варили джем, меняли десерты и называли это фестивалем спелой ягоды. Арсений слушает, не смеясь в нужном месте.

— Вы всё исправили, — говорит он.

— Да. Поэтому Олег так и не понял, сколько стоила его экономия. Я больше не хочу героически спасать то, что мне заранее не дали сделать нормально.

— Хорошо. Закупщик по гастрономическому направлению подчиняется вам, финансово — управляющему. Кандидатуры ключевой команды утверждаете вы. Я оставляю право отказать после проверки.

— С письменной причиной.

— Вы собираетесь судиться из-за каждого повара?

— Пока я собираюсь понять, как вы ведёте себя, когда перестаёте быть довольны.

Он откладывает карандаш. За окном рабочие заводят бетономешалку, и несколько секунд мы смотрим друг на друга под её грохот. Мне хочется забрать последнюю фразу: она

слишком личная для первого рабочего утра. Но Арсений не делает вид, что не заметил.

— Я становлюсь неприятнее, — произносит он. — Но причины пишу. Добавим.

Следующий пункт касается разработок. По первоначальной версии всё, что я создам за три месяца, навсегда переходит компании Волкова, включая названия, рецептуры, стандарты сервиса и материалы обучения. Я отодвигаю договор.

— Нет.

— Отель должен иметь право пользоваться тем, за что заплатил.

— Этот отель — да. Вы — нет. Через год купите ещё один объект, уволите меня и откроете там копию. Или продадите сеть вместе с моим именем человеку, которого я бы не пустила в собственную кухню.

— Вы всегда так ведёте переговоры?

— Вчера мне предложили квартиру за право не разговаривать с дочерью. Сегодня я немного не в настроении доверять мелкому шрифту.

Он опускает взгляд на договор. На костяшке указательного пальца у него свежая ссадина, в которую забила серая строительная пыль. Я замечаю её и сержусь на себя: мне совершенно незачем знать, как выглядят руки Арсения Волкова вблизи.

— Компания получает исключительное право использовать созданную концепцию в «Северном доме», — говорит

он. — Авторство и права на дальнейшие проекты остаются у вас. Отдельные рецептуры вы сможете применять где угодно, кроме прямого копирования меню. Устроит?

— Если это будет написано без слова «и прочее».

— Будет.

— И моё имя появится не только в пресс-релизе на открытие. Сайт, меню, интервью, профессиональные премии — везде, где называется автор концепции.

Арсений кивает, но вносить правку не спешит.

— Публичность привлечёт к вам Олега быстрее, чем новая работа.

— Он уже пришёл. Просто пока остаётся в телефоне.

— Я не буду решать ваш развод, Яна Андреевна. Не стану договариваться с Соколовым о дочери, покупать молчание прессы или обещать, что он вас не тронет. Если из-за вашей семейной истории сорвётся работа, мы это обсудим как рабочую проблему.

Кофе успел остыть, и всё равно я отпиваю, чтобы не отвечать сразу. Вчера Олег предлагал защиту от того, что сам собирался сделать. Арсений не предлагает ничего. Можно принять это за равнодушие, можно — за единственную честную вещь, услышанную мной за последние сутки.

— А если Олег предложит вам сделку? — спрашиваю я.

— Участок, подряд, деньги. В обмен на моё увольнение.

— Тогда я попрошу больше конкретики, чем сейчас получили от вас.

— И?

— Если вы выполните контракт, увольнять вас мне невыгодно.

Ответ паршивый, зато настоящий. Я провожу ногтем по краю бумажной кружки и киваю.

— Добавьте компенсацию за досрочное расторжение не по моей вине. Три месячных оплаты.

— Две.

— Три и оплаченные расходы команды.

— Две с половиной и расходы по утверждённому бюджету.

— Три. Не заставляйте меня торговаться половиной месяца, я плохо спала.

На этот раз он улыбается. Совсем недолго, будто вспомнил, что умеет, и тут же занялся другим.

— Три.

Новая версия договора приходит через два часа. Пока юристы меняют формулировки, я возвращаюсь на кухню, ставляю прораба найти рулетку и выясняю, что между печью и будущей раздачей потеряли почти метр прохода. Потом мы с Арсением едим в вагончике рабочих гречку с тушёнкой из пластиковых контейнеров. Он не извиняется за обед, я не изображаю, что мне всё равно: тушёнка пересолена, зато

гречка горячая. После второй ложки я понимаю, что не ела со вчерашней дегустации десерта, и на несколько минут разговор прекращается сам.

Лада проверяет исправленный файл по видеосвязи. На экране видно только половину её лица и кота, который улёгся на клавиатуру.

— Пункт девять один, — говорит она. — Опцион.

Арсений разворачивает ноутбук к себе.

— После открытия Яна получает право приобрести пять процентов операционной компании по номинальной стоимости, если гастрономическое направление выполняет согласованные показатели.

— Какие показатели? — Лада щурится. — «Всем всё понравилось» оставим для родительского чата.

В приложении стоят выручка ресторана, себестоимость и оценки гостей за первый месяц. Я читаю цифры дважды. Выручка зависит от того, будет ли достроен спа-корпус и сколько номеров вообще откроют. Арсений сначала спорит, затем убирает этот показатель и заменяет его количеством гостей, которые возвращаются в ресторан в течение месяца. Не идеальная мера, но хотя бы моя.

— Теперь можно, — решает Лада. — Только подпишешь каждую страницу. И пришлешь мне скан до того, как Волков успеет построить на этом месте казино.

— Казино прибыльнее отеля, — замечает Арсений.

— Вот поэтому я вам и не доверяю.

Связь обрывается не вовремя, на открытом рте Лады. Я несколько секунд смотрю на зависшую картинку, затем закрываю ноутбук. Арсений кладёт передо мной два экземпляра и обычную синюю ручку с логотипом поставщика сантехники. Никакого тяжёлого пера, никакого шампанского. В договоре напечатано: «Лебедева Яна Андреевна». Паспорт я не меняла и юридически всегда оставалась Лебедевой, но рядом с Олегом мою фамилию произносили редко. Для города я была его женой, для сотрудников — Яной Олеговной, для журналистов — «семьёй Соколовых». Сейчас фамилия занимает целую строку и выглядит непривычно крупной.

— Что-то не так? — спрашивает Арсений.

— Нет. Просто проверяю, не ошиблись ли в человеке.

— И?

— Пока неясно.

Я подписываю первую страницу, вторую, приложение с показателями, акт передачи документов. На последнем листе ручка перестаёт писать, приходится расписать её на полях строительной сметы. Чернила наконец появляются, я ставлю подпись и возвращаю один экземпляр Арсению. Он не протягивает руку для торжественного рукопожатия, только смотрит на часы.

— Завтра в девять встреча с проектировщиком кухни. В десять — кандидаты на управляющего рестораном. Сегодня пришлю доступ к сметам.

— А дорога?

— Через шесть недель.

— Уже честнее.

Телефон лежит экраном вниз рядом с договором. За время переговоров от Сони ничего не пришло. Я отхожу к окну, набираю её номер и слушаю длинные гудки; на шестом вызов сбрасывают. Пишу: «Я закончила. Как ты?» Сообщение доставлено, но не прочитано. Через минуту звоню снова — теперь телефон выключен.

Арсений собирает бумаги в папку, не спрашивая, кому я звоню. Экран вспыхивает, когда я уже решаю набрать Ладу. Олег присылает фотографию Сониной двери: знакомая царапина у ручки, криво приклеенный чёрный кот, тонкая полоска света над полом. За дверью её комната, её вещи, сама Соня — я даже не знаю, там ли она. Под фотографией одно сообщение, без приветствия и объяснений: «Ещё один звонок — и ты её больше не увидишь».

ГЛАВА 4. Дочь, которая сбежала

В дверь не звонят — по ней бьют ладонью, неровно, с паузами, будто человек снаружи уже не может стучать сильнее. Я вскакиваю, цепляюсь за покрывало и вижу на экране 3:18. За шесть дней в студии я привыкла к гулу холодильника, но после сообщения Олега любой звук в коридоре кажется продолжением угрозы. Беру телефон, подхожу к глазку и несколько секунд не понимаю, почему вижу там Соню.

Она стоит, прижав к груди руки, без куртки и без телефона. Волосы прилипли к щекам, толстовка потемнела от воды, с рукавов капает на вытертый линолеум. На одном плече висит школьный рюкзак, набитый так туго, что молния разошлась возле кармана. Я распахиваю дверь, и Соня успевает сказать только «не звони ему», прежде чем у неё начинают стучать зубы.

— Господи, ты ледяная. Заходи. Быстро.

Она переступает порог и проверяет лестницу. Я запираю оба замка, хотя понимаю, как это будет выглядеть, если Олег уже вызвал полицию. Рюкзак падает за ширму, Соня пытается развязать мокрые кроссовки, но пальцы не слушаются. Я опускаюсь перед ней на колени. Подошвы в песке, носок на правой ноге розовый от крови.

— Ты шла пешком?

— Не всё время.

— Соня.

— До заправки. Там женщина вызвала такси, я заплатила наличными. Только водителю не говори ничего, он нормальный. Он хотел дождаться, пока мне откроют.

— Откуда у тебя деньги?

— Из конверта в моём шкафу. Ты сама туда положила, когда мы ездили в Москву. На случай, если потеряю карту.

Я вспоминаю конверт с надписью «НЕ НА КРОССОВКИ». Два года он лежал нетронутым. Теперь моя предусмотрительность оплатила побег дочери через ночной город.

— Телефон где?

— Под подушкой. Выключенный. Папа следит по геолокации.

— А адрес ты откуда знаешь?

Соня отводит взгляд и наконец стаскивает второй кроссовок.

— Твой старый ноутбук остался в кабинете. Почта открылась сама, там бронь этой квартиры. Не начинай, пароль я не взламывала.

— А как вышла из дома?

— Через кухню и калитку для садовника. Мам, можно допрос после того, как я перестану чувствовать себя мороженой курицей?

Я нахожу большое полотенце, стягиваю с неё мокрую толстовку и велю снимать джинсы. Соня не спорит — плохой признак. Даю ей футболку «Петербург внутри», на ней она

висит почти до колен, и шерстяные носки Лады. Пока дочь переодевается за ширмой, ставлю чайник, достаю яйца и вчерашний хлеб. Руки сами разогревают масло и следят, чтобы яйца не пересохли, пока голова перебирает варианты, один хуже другого.

— Тебя кто-нибудь ударил? — спрашиваю я, не поворачиваясь.

— Нет.

— Заперли?

— Нет. Папа забрал телефон и сказал охране меня не выпускать. Это другое.

— Угрожали?

— Кроме того, что отправят чёрт знает куда? Нет, всё прекрасно.

Она выходит, придерживая футболку на груди. Под глазами серые круги, на левом запястье красная полоса. Я сразу беру её руку.

— Это от чего?

— От рюкзака. Он тяжёлый.

— Что ты туда набила?

Соня выдёргивает запястье и садится на край кровати.

— Потом. Ты меня оставишь?

Вопрос звучит слишком просто. Масло начинает гореть; я снимаю сковороду, открываю окно и сразу закрываю, потому что Соня ёжится. Хочется сказать «да», расстелить второе одеяло и вести себя так, будто нам разрешили обычную

жизнь. Шесть дней я представляла её на этом пороге. Ни разу — мокрой и с отцовской полицией где-то на хвосте.

— Сначала расскажи, что случилось.

— Алиса переехала.

Я жду продолжения. Соня смотрит на меня сердито, словно одного этого достаточно, а я нарочно не понимаю.

— Сегодня вечером. Привезли чемоданы и коробки. Папа сказал, что так удобнее из-за врачей. Она поставила свои кремы в твоей ванной. Даже не спросила.

— Это больше не моя ванная.

— Не говори так.

— Сонь, мои вещи оттуда всё равно заберут. Дело не в кремах.

— Конечно, ты сейчас будешь взрослая и великодушная. Может, ещё кровать им застелешь?

Она отталкивает тарелку, хотя не успела попробовать. Я считаю до пяти, потом придвигаю обратно.

— Я не великодушная. Я бы с удовольствием выдавила ей эти кремы в туфли. Но ты пришла сюда не из-за полки в ванной.

Соня вскидывает глаза. На секунду в них появляется прежняя насмешка, потом исчезает.

— Папа хочет отправить меня в закрытую школу под Выборгом. Там забор, форма и телефоны два раза в неделю. Я видела письмо на его планшете: дома «семейный кризис», а я стала неуправляемой.

— Когда?

— С понедельника. Сначала до Нового года, потом решат. Алиса сказала, может, мне там даже понравится: лошади, бассейн, английский каждый день. Очень мило с её стороны.

— Олег сказал это при тебе?

— Он сказал, что мы обсудим утром. А потом они пошли посмотреть комнату Марины.

Родную мать Соня называет Мариной только со мной, будто бережёт нас от нелепого соревнования. Сейчас имя выходит сухо, с усилием.

— Какую комнату?

— Маленькую, рядом с папиным кабинетом. Где её книги, пианино и фотографии. Алиса сказала, там удобно сделать детскую. Папа ответил, что пора перестать держать музей. — Соня греет ладони о тарелку. — Они выбрали жёлтые стены. Марина ненавидела жёлтый, бабушка рассказывала. Папа даже этого не помнит.

— И что сделала ты?

— Ничего.

Я молчу. Она выдерживает секунд десять.

— Вытащила чемоданы Алисы на крыльцо.

— Под дождь?

— Один попал под дождь. Остальные под навесом.

— Соня...

— Там не было ничего важного! Платья, туфли. Папа орал так, будто я её саму с лестницы сбросила. Потом сказал охра-

не запереть калитку и завтра отвезти меня к психологу. Я ждала, пока все уснут.

Она наконец откусывает хлеб и жуёт быстро, почти не разжимая губ. Я сажусь рядом. Плечо у неё острое, горячее уже через футболку. Температуры пока нет, но мокрые волосы всё ещё холодят мне щёку.

— Ты не можешь остаться там, — шепчет Соня. — Он тебя выкинул, меня отправляет, комнату Марины отдаёт ребёнку, который ещё не родился. Потом скажет, что всё это разумно и всем так удобнее. Я не хочу ждать, пока он решит, кем мне быть.

Я обнимаю её, и она сперва держится прямо, потом утыкается лбом мне в плечо. Она злится, сопит, цепляется ногтями за мою спину и требует не гладить по голове. Я перестаю. Телефон лежит рядом с фотографией закрытой двери. Достаточно выключить его и оставить всё как есть до утра. Именно поэтому я звоню Ладе.

Она отвечает таким голосом, будто не спала, а сидела в темноте и ждала нашей очередной глупости.

— Где Соня?

— У меня.

— Сама пришла?

— Сама. Промокла, без телефона. Добралась на такси от заправки.

Лада тяжело выдыхает. На фоне что-то падает, потом возмущённо мяукает кот.

— Время прибытия?

— Примерно три восемнадцать.

— Травмы?

— Натёрла ногу, полоса от рюкзака. Больше ничего.

— Не «больше ничего», а спроси её при мне. Соня, тебя били, удерживали силой, угрожали причинить вред?

— Нет, — отвечает она. — Меня просто решили сдать в интернат, это считается?

— Называй школу школой, пока не увидим договор. Это важно, но сейчас Яна должна сообщить Олегу, что ты у неё.

Соня резко отстраняется.

— Нет.

— Да, — говорит Лада. — Иначе к утру появится версия, что Яна заранее всё устроила, спрятала тебя и не сообщала отцу. Ты можешь её ненавидеть за этот звонок, но сделает она именно так.

— Я никуда не вернусь.

— Я сейчас не сказала, куда ты вернёшься. Я сказала, что мы не будем врать, где ты.

Я включаю камеру и ставлю телефон на подоконник. Соня сразу закрывает лицо ладонью.

— Серьёзно? Ты будешь меня снимать?

— Только если согласишься. Скажи, как пришла и почему. Запись останется у Лады.

— Чтобы потом папа всем показал, какая я психованная?

— Олег её не получит без необходимости, — вмешива-

ется Лада. — Можешь вообще не записываться. Тогда я зафиксирую со слов Яны, а ты напишешь мне сообщение с её телефона.

Соня долго смотрит в объектив, потом кивает. На записи нет рыдающей девочки — только злая девушка в огромной футболке. Она путает время, просит начать заново и в конце говорит, что пришла к маме, потому что больше не знает взрослых, которым можно доверять. Я выключаю камеру раньше, чем она видит моё лицо.

— Теперь бабушка, — напоминает Лада.

Елена Сергеевна берёт трубку не сразу, но после первых слов её голос становится яснее. Она не спрашивает про Алису, не ругает Соню и не предлагает потерпеть до утра.

— Я выезжаю, — говорит она. — Дайте мне адрес.

— Бабушка не водит ночью, — шепчет Соня.

— Вызову машину. Только не отдавай её до моего приезда, Яна. Пожалуйста.

Одиннадцать лет мы соблюдали неудобную дистанцию: она благодарила за заботу о внучке, я не пыталась занять место её дочери. Сейчас обе просим то, чего ни одна не может гарантировать.

Олег отвечает мгновенно.

— Где она?

Ни имени, ни приветствия. Я называю адрес, квартиру и время, когда Соня пришла. Он молчит, и в этой паузе я слышу двигатель, голоса, короткий сигнал рации.

— Ты уже вызвал полицию?

— Моя дочь исчезла ночью. Что, по-твоему, я должен был сделать?

— Сказать им, что она нашлась и находится в безопасности. Я сама тебе позвонила.

— После того как спрятала её у себя. Не трогай её до моего приезда.

— Я не знала, что она придёт.

Я смотрю на мокрую одежду, разложенную на спинке стула, на пустую тарелку в руках Сони и не выдерживаю:

— Прости. Я уже высушила ребёнка и накормила. Можешь добавить это к обвинению.

Олег сбрасывает звонок. Лада велит мне не перезванивать, сохранить историю вызовов и положить паспорт рядом. Соня слушает, забравшись с ногами на кровать, и лицо у неё постепенно закрывается.

— Ты меня отдашь, — говорит она не вопросом.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

— Это тоже не ответ.

— Другого у меня нет. Если я сейчас запру дверь и скажу отцу с полицией уходить, завтра он добьётся, чтобы нас вообще не подпускали друг к другу. Ты пришла сама — это важно. Ты сказала, чего хочешь, — тоже. Но я не могу сделать вид, что стала твоим законным родителем только потому, что очень этого хочу.

— Значит, законный может выбросить мои вещи, отпра-

вить меня за забор и решать, когда мне разговаривать с мамой, а ты должна быть умной и всё делать правильно?

— Похоже на то.

— Дурацкий закон.

— Дурацкая ситуация. Закон мы ещё даже толком не спросили.

Она отворачивается к стене. Я сажусь рядом, не касаясь её, и мы ждём. Дважды хлопает лифт, но мимо проходят соседи. Соня спрашивает, правда ли я подписала договор с Волковым, и бормочет, что хотя бы кто-то в этой семье сделал полезное. Я хочу расспросить про рюкзак, но в дверь стучат — теперь коротко и официально.

На площадке стоят двое полицейских и Олег. Он переоделся в брюки и свитер, волосы влажные, будто перед выездом принял душ. Пока Соня шла под дождём, у него нашлось время смыть с себя остатки вечера. Женщина в форме представляется старшим сержантом Нестеровой и спрашивает, где несовершеннолетняя.

— Здесь, — отвечает Соня из комнаты. — И я не несовершеннолетняя как профессия. У меня имя есть.

— Покажите документы, — просит Нестерова у меня, затем смотрит на Олега. — Вы пока оставайтесь в коридоре.

— Я её отец.

— Поэтому и оставайтесь на две минуты. Нам нужно поговорить с вашей дочерью без вас.

Олег смотрит на меня с яростью хозяина, перед которым

закрыли дверь. Я протягиваю паспорт, показываю историю звонков и видео Сони. Нестерова уточняет время и проходит в комнату. Молодой полицейский остаётся у входа.

Разговор с Соней занимает минут десять. Мы с Олегом слышим обрывки: «нет, не ударил», «телефон забрал», «я не соглашалась», «это комната моей мамы». Олег несколько раз собирается войти, но полицейский молча сдвигается и перекрывает проход. Наконец Нестерова зовёт нас обоих.

— Девушка пришла добровольно, признаков насилия я не вижу. Конфликт мы зафиксируем. Софья, сейчас вы возвращаетесь с отцом. Если боитесь за жизнь или здоровье, скажите прямо.

Соня смотрит на меня, потом на Олега.

— Он меня не ударит. Он просто отправит туда, где я никому не буду мешать.

— Никто тебя не отправляет, — устало говорит Олег. — Мы рассматривали хорошую школу на время, пока дома всё не успокоится.

— Пока у тебя не родится новый удобный ребёнок.

— Не начинай при посторонних.

— Это не посторонние. Ты сам их привёз.

Нестерова останавливает обоих. Из лифта выходит Елена Сергеевна — пальто застёгнуто не на те пуговицы, поверх ночной косы платок. Она сначала представляется полицейским и предлагает забрать внучку к себе хотя бы до утра.

— Нет, — отвечает Олег. — Она сбежала, потому что вы

с Яной поддерживаете любой её каприз. Домой.

— Я узнала о побеге двадцать минут назад, — говорит Елена Сергеевна. — А о школе слышу впервые. Меня собирались поставить перед фактом?

— Мы ничего не решили.

— Зато комнату Марины уже решили отдать.

Лицо Олега дёргается. Он смотрит на Соню, понимает, откуда бабушка знает, и снова выбирает спокойный тон.

— В доме будет ребёнок. Комнату двадцать лет нельзя держать пустой только потому, что нам всем больно её трогать. Это не предательство Марины. И школа — не тюрьма, а возможность для Сони закончить год без ежедневных скандалов.

Вот почему с ним так трудно спорить. Если убрать чемоданы под дождём, отобранный телефон и угрозу мне, останутся разумные слова: ребёнок, школа, спокойствие, будущее. Я сама годами помогала ему складывать из этих слов убедительные версии.

— Пусть Соня переночует у бабушки, — предлагаю я. — Ты будешь знать адрес, Елена Сергеевна не даст ей уйти, утром встретитесь с Ладой и обсудите школу.

— Лада теперь решает, где живёт моя дочь?

— Нет. Соня пытается решить хоть что-нибудь, а ты делаешь вид, что не слышишь.

Он поворачивается к полицейским:

— Есть основания не возвращать мне ребёнка?

Нестерова объясняет, что без заявления об угрозе они не будут на месте решать семейный спор, и советует утром обратиться к специалистам. Олег благодарит её так, словно выиграл совещание, и протягивает Соне мокрую толстовку.

— Одевайся.

— Она мокрая, — говорю я.

— В машине тепло.

Я достаю свой кардиган и помогаю Соне просунуть руки в рукава. Она не смотрит на меня. Елена Сергеевна тихо обещает приехать утром, Олег отвечает, что сам ей позвонит, и никто ему не верит. В дверях Соня вдруг оборачивается:

— Ты сказала, что хочешь меня оставить. Скажи им ещё раз.

Горло перехватывает. В комнате становится слишком много взрослых, которые ждут правильной формулировки.

— Я хочу, чтобы ты жила со мной, — говорю я. — Но сегодня ты поедешь с папой. Я не позволю ему сказать, что заманила тебя, спрятала и воспользовалась тем, что ты злишься. Я буду добиваться встреч с тобой открыто, даже если это дольше и больнее.

— А если он всё равно не разрешит?

— Тогда будем искать следующий способ. Не побег.

Она кивает слишком резко и обнимает меня. Мокрые волосы пахнут моим шампунем, пальцы впиваются в бок. Олег зовёт из коридора, Нестерова держит дверь, Елена Сергеевна сердито вытирает лицо платком. Соня шепчет: «Мам, твои

тетради у меня», толкает тяжёлый рюкзак глубже за ширму и отпускает меня раньше, чем я успеваю спросить. Через минуту лифт увозит её вниз, а я остаюсь с мокрыми следами на полу и рюкзаком, из разошедшейся молнии которого торчит угол чёрной обложки.

ГЛАВА 5. Не повторять себя

Молния рюкзака окончательно расходится, когда я вытаскиваю его из-за ширмы. На пол с тяжёлым шлепком падает чёрная тетрадь, за ней вторая, потом пакет с мокрыми носками, зарядка от телефона, три шоколадных батончика и складной нож, который я подарила Соне для похода, строго запретив носить в городе. У меня нет сил даже возмутиться. Я сажусь прямо на пол среди полицейских следов, вытряхиваю всё остальное и насчитываю семь тетрадей. Самой старой одиннадцать лет. У неё распухли от воды углы, а на обложке серебряным маркером написано: «Первый отель. Не потерять».

Я не потеряла. Я оставила их в доме Олега, что оказалось почти одним и тем же.

Страницы пахнут сырой бумагой, кофе и специями. Здесь наша первая кухня ещё до ремонта: размеры проходов, марки печей, телефоны поставщиков, которых давно нет. На полях рядом с расчётом завтраков записано: «Соне в среду к стоматологу, не давать есть после восьми». Ей тогда было пять, она боялась бормашины и соглашалась открыть рот только после обещания, что врач не станет трогать шатающийся зуб. Ниже нарисован кривой зайчик — Соня ждала меня на стройке и проверяла, правда ли поварской карандаш не стирается с бумаги.

Во второй тетради я нахожу меню открытия. Напротив перловки с белыми грибами рукой Олега написано: «Люди платят не за кашу». Через год городской журнал назвал его человеком, который первым вернул дорогому ресторану честные русские крупы. Я помню фотографию: Олег стоит у медной кастрюли в моём фартуке, хотя сам не умел отличить перловку от полбы, и рассказывает, как долго искал правильное зерно.

Смешно, что именно эта старая мелкая ложь пробивает сильнее измены. С Алисой мне хотя бы не предлагают поверить, будто я сама придумала отсутствовать в собственной постели.

Телефон вибрирует. Елена Сергеевна пишет, что Соня дома, Олег не отдал ей телефон и никого к ней не пускает, но отъезд в школу утром не состоится: бабушка пригрозила приехать с адвокатом и журналистами, хотя ни тех, ни других у неё нет. «Она спит. Я сижу внизу. Не волнуйся». Последние два слова вызывают желание швырнуть телефон в стену. Вместо этого я отвечаю: «Спасибо. Не уходите».

Лада подключается по видео через несколько минут. Волосы у неё стоят дыбом, на щеке след от подушки. Она велит разложить тетради веером, не сушить феном и фотографировать каждую страницу до тех пор, пока виден текст.

— Соня стащила их из кабинета Олега, — говорю я, придерживая пальцем вздувшийся лист. — Это может стать проблемой?

— Может. Всё может стать проблемой, если очень постараться. Не выкладывай их в сеть и не звони мужу с криком «у меня доказательства». Сначала сделаем копии и разберёмся, что твоё, что компании и откуда девочка их взяла.

— Они мои. Тут мой почерк.

— По-человечески — твои. По бумагам мы ещё посмотрим. Рецепт в блокноте не даёт тебе автоматически половину сети, как бы мне ни хотелось сейчас тебя обрадовать.

Я знаю, что она права, но всё равно злюсь. Провожу ладонью по страницам, будто от этого Олегова фамилия исчезнет из старых газет. В шестой тетради лежит сложенный лист с меню, которое так и не увидело гостей. «Февральское тепло»: ржаной бульон с печёным луком, форель на ольхе, сельдерей в соляной корке, груша с кремом из обожжённого сахара. Три года назад Олег назвал его мрачным, слишком простым и отложил до сезона, когда гости будут готовы платить за корнеплоды. Я так и не вернулась к этой идее.

Теперь у меня есть новый отель, зима, печи и хозяин, который обещал не прятать имя автора. Я разглаживаю лист на колене. Меню почти готово. Его можно проверить за неделю, пересчитать за две и показать инвесторам раньше, чем «Белая линия» успеет объявить очередное чужое открытие.

— Яна, — говорит Лада. — Мне не нравится твоё лицо.

— Ты видишь четверть лица и мой локоть.

— Локоть замышляет глупость. Что нашла?

— То, что Олегу не понравилось. Значит, не украдено.

Лада снимает очки и трёт глаза.

— Поспи хотя бы три часа, прежде чем превращать семейную обиду в ресторанную концепцию.

— Это не обида.

— Конечно. И я в четыре утра веду кулинарный блог.

Я обещаю ничего не подписывать и не публиковать. Промсон не обещаю. До рассвета успеваю снять почти тысячу страниц, проложить влажные места бумажными полотенцами и перепечатать «Февральское тепло» в новый файл. На последней строчке меня всё-таки выключает: просыпаюсь сидя, щекой на столе, а на экране вместо «копчёной груши» написано «копчёной грусти». Исправляю опечатку не сразу.

Через два дня в бывшей служебной кухне «Северного дома» пахнет ольховой щепой и горелой солью. Основное оборудование ещё не подключено, поэтому форель коптится под металлической миской на переносной плитке, сельдерей запекается в маленькой конвекционной печи, которую строители используют для пирожков, а бульон занимает единственную большую кастрюлю. Прораб трижды заходит спросить, когда ему вернут печь, и каждый раз получает кусок хлеба с тёплым маслом. К третьему он уже не спрашивает, только заглядывает в кастрюлю.

Я работаю одна. Команду ещё предстоит нанять, а объём

яснять незнакомому повару блюдо, придуманное в прежней жизни, почему-то тяжелее, чем готовить самой. Руки помнят всё: сколько держать лук на сухой сковороде, когда подлить квас, как снять рыбу за минуту до готовности. Тело уверено, что я вернулась домой. Голова знает, что дома больше нет.

Арсений появляется, когда я разбиваю соляную корку вокруг сельдерея. На нём тёмный свитер, рукава закатаны, на запястье строительная пыль. Он кладёт на край стола тонкую серую папку и смотрит на четыре тарелки.

— Я пропустил дегустацию?

— Вы пришли вовремя. Ещё десять минут, и форель станет наказанием за опоздание.

— Кто остальные трое?

— Я, здравый смысл и прораб. Последний заслужил едой больше вас.

Арсений берёт ложку, но я хлопаю его по руке полотенцем.

— Сначала бульон. Потом рыба. Если будете есть всё подряд, я не пойму, что испортила.

— Вы допускаете, что что-то испортили?

— Я допускаю даже существование хорошего финансового директора. Пока теоретически.

Он садится за стол. Бумажной скатерти нет, тарелки разные, свет мигает всякий раз, когда в соседнем помещении включают шлифовальную машину. Первый глоток Арсений пробует молча, потом ещё один. Я смотрю не на лицо, а на

руку: если человек тянется за второй ложкой до вопроса, вкус сработал. Он тянется.

— Это было в «Белой линии»? — спрашивает он.

— Нет. Олег отказался.

— Почему?

— Сельдерей недостаточно дорогой на слух, ржаной бульон напоминает ему столовую, а груша не фотографируется без объяснений.

— А вам?

— Мне нравилось. Нравится.

Я ставлю перед ним форель. Кожа хрустит, внутри рыба осталась сочной, дым лёг тонко — здесь всё получается даже лучше, чем в пробах трёхлетней давности. Вместо удовлетворения приходит злость: блюдо жило без Олегова разрешения, просто я сама посадила его в ящик и закрыла.

Арсений доедает половину, откладывает вилку и раскрывает серую папку.

— Тогда посмотрите, прежде чем продолжим.

На первой странице логотип «Белой линии» и фотография зимнего Петербурга. Ниже крупно: «Возвращение к теплу. Новый гастрономический сезон Олега Соколова». Я листаю. Печёный лук в ржаном бульоне. Рыба на ольхе. Корнеплоды в соли. На визуализации десерта груша стоит в дымчатой карамели, а под ней моя фраза из рабочей заметки: «Вкус февраля — сладкое, которое пережило огонь».

— Откуда это у вас?

— Один из инвесторов получил презентацию вчера. Он участвует и в нашем проекте, поэтому спросил, собираемся ли мы открывать два одинаковых ресторана. Переслал мне файл.

— Это мой черновик.

— Я понял.

— Нет, не поняли. — Я листаю быстрее, бумага режет подушечку пальца. В приложении есть план рекламных ужинов, бюджет на съёмку, фамилия Алисы напротив PR. Меню называют «личным возвращением Олега к северным корням», которых у него никогда не было: он родился в Краснодаре и до тридцати лет считал морошку недозрелой малиной. — Это не просто похожие продукты. Здесь мои слова. Я написала эту фразу ночью, когда у Сони был грипп и она не спала. Олег тогда вообще был в Сочи.

Арсений протягивает салфетку. Только сейчас я замечаю кровь на пальце.

— Файл находился на сервере компании?

— Да. И в тетради. Он отказался от меню, но не удалил его.

— Значит, Соколов может запустить сезон раньше нас.

— Пусть попробует. У них нет технологических карт на последние версии.

— Найдут более ранние. Доработают.

— Не так, как я.

— Именно поэтому он оставил вас бренд-шефом в согла-

шении о разводе.

Мне хочется спорить, однако тут нечем. Я смотрю на приготовленные тарелки и впервые вижу их не своими. Белая керамика, ветка можжевельника, тёмный соус, выверенная пустота по краям — всё можно поставить в любом отеле Олега, снять сверху и подписать привычным шрифтом. Даже Арсению я поставила тарелку по старой схеме: ветка справа, соус дугой, свободный край для фотографии. Я сама разложила прошлую жизнь по тарелкам и привезла конкуренту бывшего мужа.

— Мы объявим меню сегодня, — решаю я. — Проведём закрытый ужин через неделю. Пусть попробует доказать, что придумал первым.

— Для кого ужин? Кухни нет, команды нет, зал не готов.

— Найдём помещение в городе.

— И потратим первую публичную подачу на спор с Соколовым.

— Вы наняли меня, потому что хотели отнять у него автора. Теперь не изображайте человека выше конкуренции.

Арсений отодвигает тарелку. Не резко, но звук вилки по керамике выходит неприятным.

— Я нанял вас построить ресторан. Если хотите открыть филиал «Белой линии» быстрее Олега, это другой контракт.

— Это моё меню.

— Не спорю.

— Тогда в чём проблема?

Он берёт лист, на котором я напечатала последовательность подачи, и проводит пальцем сверху вниз.

— Закройте здесь логотип, поменяйте название — и кто поймёт, что это не ваш прежний отель?

В кухне гудит вытяжка. Прораб заглядывает за печью, видит наши лица и бесшумно исчезает. Я хочу ответить, что люди поймут по вкусу, по авторству, по моему имени, но это будет неправдой. Вкус мой — и потому слишком знакомый.

— Вы могли сказать до дегустации.

— Тогда вы решили бы, что я боюсь Олега. Сейчас вы сами попробовали.

— И вам понравилось.

— Очень. Но это не «Северный дом».

Он оставляет решение мне и уходит на встречу со строителями. Вот это раздражает особенно. Гораздо легче было бы, если бы Арсений запретил меню, сослался на деньги или велел придумать другое к понедельнику. Я могла бы назвать его вторым Олегом и с чистой совестью защищать прошлое. Вместо этого передо мной остаются отличная рыба, украденная презентация и право сделать глупость самостоятельно.

Я собираю распечатанные меню, выхожу во двор и нахожу металлическую бочку, в которой рабочие жгут обрезки картона. Бумага плотная, с покрытием, поэтому сперва чернеет по краям, потом сворачивается и пахнет дешёвым пластиком. Прораб просит не бросать туда «химию». Я извиняюсь, вытаскиваю недогоревшие листы щипцами и заканчи-

ваю сожжение в старой печи служебной кухни. Получается не освобождение и не красивый ритуал, а возня с дымом, слезящимися глазами и серым пеплом на рукаве. Наверное, так честнее.

Блюда я не выбрасываю. Мы с рабочими съедаем всё за длинным столом из двух листов фанеры, поставленных на козлы. Форель передают вместе с вилок, потому что других нет. Кто-то приносит банку солёных огурцов, кто-то режет хлеб прямо на пакете от цемента, вывернутом чистой стороной. Прораб всё-таки получает сельдерей и говорит, что дома такой не ел бы, а здесь нормально. Это звучит полезнее половины ресторанных рецензий.

Я вспоминаю первый год с Соней. После смерти Марины она ела плохо, а при мне — почти никак, будто ложка из моих рук означала согласие на новую маму. Однажды я взяла её на вечернюю смену. Персонал ужинал на кухне, из общей миски передавали картошку, повара спорили о футболе. Соня села рядом с посудомойщицей, стащила кусок огурца, потом попросила картошки и впервые не спросила, когда вернётся папа. Я тогда решила, что дело в соли. Только сейчас понимаю: никто не смотрел, сколько она съела, и не ждал благодарности. Ей просто оставили место.

К полуночи строители расходятся. Я остаюсь в бывшей библиотеке, сдвигаю счета Арсения на край складного стола и разворачиваю рулон упаковочной бумаги. Сначала пишу блюда. Зачёркиваю. Пишу продукты, поставщиков, тем-

пературу подачи. Снова зачёркиваю. Если начать с еды, получается ещё одно меню; нужно начать с того, зачем человек проедет шестьдесят километров в темноте и снегу.

На бумаге появляется длинная линия. Я рисую стол, не дизайнерский — обычный, со следами ножа, хлебом посередине и горячей посудой, которую ставят сразу для нескольких людей. Рядом остаются маленькие столы: никого нельзя заставлять общаться на отдыхе. В кухне нужен открытый огонь, но не для представления, а потому что он меняет запах всего зала. Меню короткое, двенадцать блюд, и половина меняется вместе с погодой. Приехавшего гостя встречают чашкой горячего бульона, даже если ресторан уже закрыт. Хлеб пекут дважды в день. Рыбу привозят не «локальную» для рекламы, а ту, которую артель действительно поймала утром; если улова нет, официант не извиняется за отсутствие блюда, а предлагает другое.

Я пишу название и сразу перечёркиваю: «Северная трапеза» звучит как экскурсия для иностранцев. «Дом у огня» — как магазин каминов. «Общий стол» напоминает школьную столовую. В два часа ночи появляется «Длинный северный стол». Оставляю, потому что сил придумать хуже уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.